

Мова як об'єкт соціолінгвістики та лінгвокультурології

УДК 811.161.1'373.42:168.522
DOI: 10.26565/2227-1864-2020-87-06

Преднамеренная паронимия в русской лингвокультуре

Елена Александровна Михайленко-Зото
аспирант кафедры общего и славянского языкознания,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
(Французский бульвар, 24/26, к. 98, Одесса, 65058, Украина);
преподаватель русского языка, кафедра славяно-балканских языков,
Тиранский университет (ул. Эльбасан., г. Тирана, Албания);
olena.zoto@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7733-0217>

Цель данного исследования – установить и систематизировать рече-поведенческие ситуации (РПС) и рече-культурные сценарии (РКС) преднамеренной паронимии, к которым традиционно относят паронимазию и паронимическую аттракцию, в русском лингвокультурном пространстве. Объектом изучения являются паронимы, которые используются преднамеренно в разных рече-поведенческих ситуациях русского лингвокультурного пространства. Предмет исследования – своеобразие системы рече-поведенческих ситуаций и обусловленных ими рече-культурных сценариев при преднамеренном использовании паронимии. Материал исследован с опорой на словари паронимов русского языка. В результате проведенной работы удалось установить, что в ситуациях преднамеренной паронимии могут использоваться два вида рече-поведенческих тактик (РПТ): тактика преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки и тактика художественного оформления речи. Выводы автора заключаются в следующем: во-первых, рече-поведенческие ситуации преднамеренного использования паронимии, возникающие при использовании тактики преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки – это обмолвка, описка, ослышка, очитка с возможными рече-культурными сценариями шутки, сатиры, иронии, юмористического или комического подтекста, а также с подтекстом осуждения, обиды, унижения, насмешки, авантюры, обмана и под. В этом случае используется только неправильный член паронимической оппозиции, организованной по принципу дихотомии «правильное» // «неправильное». Исключением является ситуация ослышки, где представлены оба члена паронимической пары. Во-вторых, рече-поведенческие ситуации, возникающие при использовании РПТ художественного оформления речи с помощью паронимии, – это паронимическое сближение и паронимическое рифмование. Эти две рече-поведенческие ситуации сопровождаются рече-культурным сценарием усиления художественной и/или экспрессивной выразительности текста и РКС оценки описанного. В рече-поведенческих ситуациях паронимического сближения и паронимического рифмования представлены минимум два члена паронимического ряда, так как преднамеренная паронимия выступает в этих ситуациях как бинарная стилистическая фигура.

Ключевые слова: паронимы, преднамеренная паронимическая ошибка / подмена, художественное оформление речи, рече-поведенческая тактика, рече-поведенческая ситуация, рече-культурный сценарий, лингвокультурный

Михайленко-Зото О. О. Навмисна паронімія в російській лінгвокультурі

Метою цього дослідження є виокремлення та систематизація мовленнєво-поведінкових ситуацій (МПС) і мовленнєво-культурних сценаріїв (МКС) навмисної паронімії, до яких традиційно включають паронимазію та паронімічну аттракцію, в російському лінгвокультурному просторі. Об'єктом вивчення є пароніми, що використовують навмисно в різних мовленнєво-поведінкових ситуаціях російського лінгвокультурного простору. Предмет дослідження – своєрідність системи мовленнєво-поведінкових ситуацій і зумовлених ними мовленнєво-культурних сценаріїв за умови навмисного використання паронімії. Матеріал досліджено з опорою на словники паронімів російської мови. У результаті проведеної роботи вдалося визначити, що в ситуаціях навмисної паронімії використовують два види мовленнєво-поведінкових тактик (МПТ): тактика навмисної паронімічної заміни / підміни / помилки і тактика художнього оформлення мови. Висновки автора полягають в наступному: по-перше, мовленнєво-поведінкові ситуації навмисного використання паронімії, що виникають у застосуванні тактики навмисної паронімічної заміни / підміни – це помилки говоріння, написання, слуху й читання з можливими мовленнєво-культурними сценаріями жарту, сатири, іронії, гумористичного або комічного підтексту, а також з підтекстом засудження, образи, приниження, глузування, авантюри, обману, деяких інших. У цьому випадку використовують тільки неправильний член паронімічної опозиції, організованої за принципом дихотомії «правильне» // «неправильне». Винятком є ситуація недочутки, де представлені обидва члени паронімічної пари. По-друге, мовленнєво-поведінкові ситуації, що виникають у використанні РПТ художнього оформлення мовлення за допомогою паронімії, – це паронімічне зближення і паронімічне римування. Ці дві мовленнєво-поведінкові ситуації супроводжуються мовленнєво-культурним сценарієм посилення художньої та / або експресивної виразності тексту і МКС оцінки описаного. У мовленнєво-поведінкових ситуаціях паронімічного зближення і паронімічного римування представлено мінімум два члени паронімічного ряду, бо навмисна паронімія в цих ситуаціях виступає як бинарна стилістична фігура.

Ключові слова: пароніми, навмисна паронімічна помилка / підміна, художнє оформлення мовлення, мовленнєво-поведінкова тактика, мовленнєво-поведінкова ситуація, мовленнєво-культурний сценарій, лінгвокультурний

Olena Mykhaylenko-Zoto. Intentional paronymy in the Russian linguoculture

The purpose of this study is to identify and systematize speech-behavioral situations (SBS) and speech-cultural scripts (scenarios) of intentional paronymy, which traditionally include paronomasia and paronymic attraction, in the Russian linguocultural space. The object of study is paronyms used intentionally in various speech-behavioral situations of the Russian linguocultural space. The subject of the research is the originality of the system of speech-behavioral situations and the speech-cultural scripts caused by them provided that paronymy is intentionally used. The facts were investigated based on the Russian paronyms dictionaries. As a result of the work carried out, it was possible to show that in situations of intentional paronymy, two types of speech-behavioral tactics (SBT) can be used: the tactics of intentional paronymic replacement / substitution / error and the tactics of artistic design of speech. The author's conclusions are as follows: firstly, speech-behavioral situations of the intentional use of paronymy arising in the tactics of intentional paronymic substitution / error are a slip of the tongue, a misspelling, a mishearing, a misreading with possible speech-cultural scenarios of jokes, satire, irony, humorous or comic overtones, as well as overtones of condemnation, resentment, humiliation, ridicule, adventure, deception and others. In this case, only the wrong component of the paronymic opposition organized according to the principle of the „right” // „wrong” dichotomy is used. An exception is the mishearing situation, where both components of the paronymic pair are represented. Secondly, speech-behavioral situations arising in the tactics of artistic design of speech using paronymy are paronymic convergence and paronymic rhyming. These two speech-behavioral situations are accompanied by a speech-cultural script of enhancing the artistry and / or expressiveness of the text and the SCS of described assessment. In speech-behavioral situations of paronymic convergence and paronymic rhyming, at least two components of the paronymic series are represented, since intentional paronymy appears in these situations as a binary stylistic device.

Key words: paronyms, intentional paronymic error / substitution, artistic design of speech, speech-behavioral tactics, speech-behavioral situation, speech-cultural scenario (script), Russian linguoculture

Постановка проблемы. Необходимость создания полноценной антропоцентрической парадигмы лексической системы русского языка обуславливает актуальность научного изучения лингвокультурологических закономерностей образования и функционирования паронимов. Систематизация фактов непреднамеренной и преднамеренной паронимии в лингвокультурологическом аспекте призвана способствовать большей точности обозначения понятий и изложения мыслей языковой личностью, правильному владению носителями русского языка категориями и единицами языка, соприкасающимися с феноменом паронимии.

Связь с предыдущими и смежными исследованиями. Систематические научные исследования паронимов как выразителей паронимических отношений между словами начались в 1960-е годы. Однако ещё в последней трети XX в., как и во второй половине XIX в., лингвисты обращали основное внимание на разработку методик улучшения грамотности и культуры речи носителей языка в связи с непреднамеренными обмолвками, описками, ослушками и очитками, в результате которых слова ошибочно заменяются их паронимами, и на изучение художественно-стилистических функций паронимии (паронимической аттракции) – преднамеренной ошибочной паронимии. Изучению этих вопросов посвящены работы многих авторитетных лингвистов-теоретиков и практиков, среди которых М. М. Верейкина [1], О. В. Вишнякова, [3], В. П. Григорьев [6], А. А. Евграфова [7], Д. А. Иванова [9], Т. В. Крысенко [12], В. З. Санников [17], Л. П. Ткаченко [19], Н. А. Янко-Триницкая [22] и многие другие. В большинстве исследований паронимиеведов отмечается общая направленность на установление постоянных универсальных формальных признаков, которые отличали бы паронимы от непаронимов. Каждый исследователь пытается, в первую

очередь, найти объективные подходы к определению слов-паронимов, часто не замечая возможности субъективного восприятия разными людьми сходства или несходства слов по звучанию и написанию либо не желая учитывать субъективных, личностных сторон продуцента и реципиента в продуцировании и восприятии паронимических оппозиций. На самом же деле, паронимия – это лексическая категория, единицы и способы функционирования которой наряду с объективно выделяемыми признаками обнаруживают немало особенностей субъективного характера, закономерных для этой категории и зависящих от многих качеств участников речеповеденческих ситуаций, сопровождающихся речекультурными сценариями паронимических обмолвок, описок, ослышек и очиток. Важен при этом также лингвокультурный фон лексических единиц, входящих в отношения паронимии.

Формулирование цели и задач исследования.

До сих пор продолжается активная разработка научного аппарата лингвокультурологии, постоянно расширяется круг единиц и уточняется предмет её исследования [напр.: 5; 8; 13 и др.]. Однако в данной статье мы ограничимся разработкой, в основном, двух лингвокультурологических понятий: «речеповеденческая ситуация» и «рече-культурный сценарий», применив их к выделенным нами двум **рече-поведенческим тактикам:** 1) **преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки;** 2) **художественного паронимического оформления речи.** Таким образом, цель данного исследования – установить и систематизировать рече-поведенческие ситуации (РПС) и рече-культурные сценарии (РКС) преднамеренной паронимии, к которым традиционно относят паронимазию и паронимическую аттракцию, в русском лингвокультурном пространстве. Объектом изучения являются паронимы, которые используются преднамеренно в разных РПС русского лингвокультурного пространства. Предмет исследования – своеобразие системы рече-

поведенческих ситуаций и обусловленных ими рече-культурных сценариев при преднамеренном использовании паронимии. Материал исследован с опорой на словари паронимов русского языка при использовании методик фоносемантического, лексико-семантического, грамматического, коммуникативного и лингвокультурологического анализа, а также описательного метода.

Изложение основного материала. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, разрабатывая теорию **рече-поведенческих тактик** (РПТ), предложили такое понимание **рече-поведенческой ситуации** (РПС): «Типичной РПСитуацией можно назвать регулярно повторяющийся (итеративный) «фрагмент социальной жизни»: приветствие, просьбу, благодарность, призыв к откровенности, ритуал обсуждения цены при частной покупке, соболезнование, недовольство, плохое самочувствие, говорение комплиментов, демонстрацию дружелюбия (или враждебности), ухаживание, энтузиазм (или сдержанность) по поводу определённого предложения, приглашение, советование, запрещение (или разрешение) и т. д.» [2, с. 523]. **Рече-культурным сценарием** (РКС) мы называем конкретные пути реализации и последствия рече-поведенческой тактики в той или иной рече-поведенческой ситуации.

Учитывая то, что язык сам по себе является феноменом общественного развития человека и функционирует в социуме, мы считаем, что рече-поведенческими ситуациями рече-поведенческой тактики непреднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки являются *оговорка / обмолвка, описка, ослышка, очитка* в РКС недостаточного владения языковым кодом, акустических помех, дефектов речи и/или слуха, неразборчивости почерка. Однако эти же РПС выступают и как ситуации РПТ преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки, то есть паронимии. При этом возможны рече-культурные сценарии с шуточным, юмористическим, комическим, сатирическим, ироническим подтекстом, с подтекстом осуждения, обиды, унижения, насмешки, авантюры, обмана. В этом случае, как и в РПТ непреднамеренной ошибки, используется лишь один, неправильный член паронимической оппозиции, организованной по принципу дихотомии «правильное» // «неправильное». Например, несколько **преднамеренных (паронимических) оговорок / обмолвок:**

(1) В СССР среди курильщиков самыми популярными были папиросы «Беломорканал». В Одессе их иногда называли «Черноморканалом», используя элементы паронимии и антонимии. Жена, удручённая пошатнувшимся здоровьем мужа-курильщика и

прокуреными стенами квартиры, говорит мужу:

– *Сеня, ты опять взялся за свой «Черноморканал»? Побереги свои и мои лёгкие, посмотри на чёрные обои... Это ж у тебя внутри такое же!*

Здесь соединены в одном сценарии досада, шутка и ирония.

(2) На уроке физкультуры учитель пытается научить детей правильно выполнять упражнения для разминки позвоночника. В этот комплекс входят повороты. Как раз их некоторые дети, привыкшие сидеть у компьютера, выполняют недостаточно чётко. На очередном занятии после нескольких попыток мальчику Игорю удалось повернуть туловище так, как требовал учитель. Он был рад этому и громко крикнул учителю:

Ученик: *Вячеслав Иванович, смотрите, я правильно поворачиваюсь?*

Учитель: *Ну, молодец! Это самый поворотливый день в твоей жизни!*

Учитель намеренно заменил имя прилагательное *поворотный* в устойчивом словосочетании *поворотный день / момент (в судьбе)* его паронимом *поворотливый*. Нарушена лексическая дистрибуция слова. **Поворотливый** – 1. Способный легко маневрировать. Антоним: неповоротливый. 2. Подвижный, ловкий (разговорное). Синонимы: проворный, расторопный. Антонимы: неповоротливый, медлительный. *Поворотливый чёлн; поворотливая повозка; поворотливый официант, парень; поворотливое животное. Поворотный* – 1. Служащий для поворота, повёртывания чего-либо (специальное). 2. (переносное) Переломный, создающий резкое изменение, перелом в чём-либо. 1) *Поворотный механизм; поворотный рычаг; поворотная лопасть; поворотный кран; поворотный круг* [на железной дороге]; *поворотное ускорение*; 2) *поворотный момент; поворотный день; поворотный пункт в развитии чего-либо* [4, с. 203].

(3) Дочь впервые устраивается на работу. Ей выдали бланки документов, которые она должна заполнить, и попросили заполнить очень быстро. Среди них *автобиография*, которой дочь никогда не писала, поэтому попросила отца бросить все свои дела и помочь составить этот документ.

– *Папа, мне надо быстро-быстро написать автобиографию. Помогите мне.*

– *Оля, давай вечером, я сейчас не могу. Отдам людям заказ – помогу.*

– *А я не человек?*

– *Так стань в очередь. Тебе автобиографию или авиабиографию?*

Здесь очевидна паронимическая аттракция. Имени существительному *автобиография* метафорически противопоставлен пароним-профессионализм *авиабиография* (в авиакомпаниях). Основное различие денотативных семантических структур этих лексем – в компаративной семе «быстрее».

В печатных и электронных СМИ нередки подобные **преднамеренные паронимические описки**, то есть паронимастические описки, которые сегодня нередко интерпретируются как примеры игры слов, когнитивного парадокса, имеющих целью обратить внимание читателей на что-то необычное, как положительное, так и отрицательное. Чаще всего журналисты «каламбурят» в заголовках. Парадоксальность заголовков, построенных с использованием паронимастии, связана с явлением концептуальной интеграции, то есть совмещением в сознании читателя несовместимых, взаимоисключающих признаков [15, с. 220]. Например, (4) в газетном заголовке «**ПОГРЕБение урожая**» (Аргументы и факты, 2008, № 48), сочетание несочетаемых паронимов «**погреб**» и «погребение», связанных ассоциативно с сохранением урожая в погребках или с гибелью урожая (погребение = похороны покойника).

По мнению О. Б. Пономарёвой, парадоксальность заголовка чаще всего вызвана нарушением структуры устойчивых словосочетаний за счёт замены одного из компонентов [15, с. 221]. Нередко этот компонент находится в отношениях паронимии с тем, который предусмотрен нормой. Например:

(5) «**Мартовский кот**» (о несвоевременных инвестициях, приход которых состоялся в марте вместо января). За образец взято устойчивое сочетание «мартовский **кот**». Паронимастия отражает здесь критический сценарий. Суть критики в том, что инвестировать в хозяйственную деятельность следует бесперебойно, а не в связи с острой необходимостью, чтобы хозяйствование было эффективным и не принимало аврального характера.

(6) Примером нарушения узуальной коллокации является заголовок статьи «**Добро пожаловаться**» (Тюменский курьер, 2009, № 43) с рече-культурным сценарием иронии. В статье речь идёт о проблеме получения гражданами субсидий. Вместо невозвратного глагола *пожаловать* в устойчивой формуле речевого этикета «Добро **пожаловать!**» использован его пароним – возвратный глагол *пожаловаться*.

В статье студента-журналиста Р. Ю. Юнзяова о каламбурах в заглавиях газетных публикаций представлено несколько десятков заголовков статей из регионального еженедельника «Столица С» (г. Саранск, Мордовия). Автор отмечает, что «каламбуры в названиях материалов – неотъемлемая часть каждого номера» [21]. Некоторые из приведённых им каламбуров являются примерами преднамеренной паронимической (паронимастической) описки. Нередко слово с опиской вводят в состав устойчивого

сочетания, прецедентного выражения, искажая его и, тем самым, обостряя в сознании реципиента интерес к проблеме, о которой идёт речь в публикации. Например:

(7) В заголовке «**абСАЛЮТный слух**» (о покупке пиротехники к Новому году) сделана намеренная описка – вместо буквы О (**абсолютный**) написана А, чтобы на публикацию обратили внимание любители *салютов*. Этот рече-культурный сценарий можно квалифицировать как шуточный.

(8) В заголовке «**Краплёный вуз**» устойчивое сочетание *краплёный туз* трансформировано с помощью преднамеренной описки: вместо *туз* употреблён его пароним *вуз*. Сочетание приобрело новое содержание за счёт коннотаций исходного сочетания. Читателю понятно, что в одном из вузов вскрыли беспорядки, о которых читатели газеты раньше только догадывались. Данный рече-культурный сценарий мы квалифицируем как оценочно-критический.

(9) Заголовок «**Застуженные мастера спорта**» искажает спортивное звание *заслуженный мастер спорта* способом преднамеренной описки: вместо слова *заслуженные* употреблён его пароним *застуженные*. В статье идёт речь о невозможности проводить соревнования по футболу зимой из-за погодных условий. Приведённый рече-культурный сценарий можно квалифицировать как шуточный или сатирический. В статье содержится ответ футбольным фанатам на их желание видеть футболистов в игре круглый год.

(10) «**Никто не забит**» – так называется сообщение о том, что в одном из сёл до сих пор не могут выбить на мемориальной доске имена двухсот жителей, погибших на войне 70 лет назад. Каламбур строится на основе преднамеренной паронимической описки в прецедентном тексте Ольги Берггольц «**Никто не забит, ничто не забыто**», написанном в 1959 году для мемориала на Пискаревском кладбище в Ленинграде. Изменена лишь одна буква: вместо *Ы* написана *И*. Известно просторечное значение глагола *забить* (на что-то) – «не заниматься чем-то». Данный рече-культурный сценарий необходимо квалифицировать как оценочно-осуждающий.

Преднамеренные паронимические (паронимастические) описки и ослышка в рече-культурных сценариях нередко пересекаются, хотя могут появляться в лингвокультурном пространстве независимо друг от друга.

РПС преднамеренной паронимической описки осуществляется в условиях чтения вслух для реципиента-слушателя или группы слушателей. Типичные рече-культурные сценарии данной ситуации – это, во-первых, адаптация текста, то есть желание чтеца, продуцента, уйти от незнакомого слова, заменив его более понятным слушающему синонимичным паронимом; во-вторых, – обман реципиента, если продуцент остерегается, что написанное в тексте слово расстроит, напугает, разозлит первого. Например:

(11) В научно-популярном тексте для детей мать встретила глагол *поглотить* и, понимая, что дети ещё не знают этого слова, заменила его понятным всем детям паронимом *проглотить*. В тексте, который читает мать восьмилетнему сыну, предложение написано так: *Из-за всеобщего потепления и процесса таяния вечной мерзлоты океан **поглотил** некоторые арктические острова*. Мать прочитала следующим образом: *Из-за всеобщего потепления и процесса таяния вечной мерзлоты океан **проглотил** некоторые арктические острова*. РПС читки здесь сопровождается РКС адаптации текста. Дополнительно появилась глагольная метафора.

(12) В детской книжке написано: *Проходя возле джунглей, доктор Айболит и его друзья поняли, что **стон** идёт со стороны широкого ручья*. Остерегаясь, что дочь снова начнёт плакать, отец решил заменить слово *стон* его синонимом *слон*, так как знал, что слон в зоопарке ей понравился. Прозвучало следующее: *Проходя возле джунглей, доктор Айболит и его друзья поняли, что **слон** идёт со стороны широкого ручья*. А дальше отец делал вид, что читает, но сам сочинял то, что было интересно и не страшно дочери. В целом, здесь реализуется РКС предостережения ребёнка от испуга и переживаний.

Типичные рече-культурные сценарии **преднамеренной паронимической ослышки** связаны с нежеланием реципиента слышать правильную информацию. Услышав невыгодную для себя информацию, реципиент стремится сделать вид, что вообще ничего не слышал либо ослышался. В отличие от преднамеренной обмолвки, описки и очитки, преднамеренная паронимическая ослышка в рече-культурных сценариях представлена не одним (ошибочным) компонентом паронимической пары, а целой парой. Например:

(13) Классный руководитель, учитель физики Ольга Петровна, в школе беседует с отличником Павликом, который отвечает в классе за успеваемость и является членом «могучей пятёрки». Она делает ему замечание о том, что только один отстающий одноклассник Сева, который несколько раз обижал Павлика, не охвачен шефством отличников. Павлик хорошо слышит, о чём просит учительница. Ему неудобно отказать, но согласиться он боится, так как Сева – конфликтный мальчик. Для обдумывания Павлик выбирает тактику оттягивания времени ответа и инсценирует ослышку:

Ольга Петровна: *Павлик, у нас в классе есть отстающие ученики, которые уже охвачены «могучей пятёркой». Помощи не **получает** только Сева Солнцева. Я прошу продумать график*.

Павлик: *Простите, Ольга Петровна, а на каком сайте взять график **излучения Солнца**?*

Ольга Петровна: *Не поняла, какое излучение?*

Павлик: *Вы сказали, что **Солнце** что-то **излучает**. Нужно составить график. Поэтому я хочу уточнить задание*.

Ольга Петровна: *Вы недослышали. Я говорила о необходимости подтянуть Севу Солнцева, взять над ним шефство*.

Здесь в ситуации преднамеренной ослышки противопоставлены паронимы *получает // излучает* и *Солнцева // Солнце*. Реализуется рече-культурный сценарий оттягивания времени для обдумывания ответа.

(14) В воинской части командир роты (капитан) из-за поломки автомобиля не успел прибыть в часть на вечернюю поверку, поручив её провести одному из командиров взвода, но не сообщил об этом командиру батальона. Утром комбат вызвал капитана к себе для выяснения обстоятельств.

Комбат: *Капитан, почему вчера вечернюю **поверку** проводил командир первого взвода?*

Капитан: *Товарищ майор, вчера **проверку** технического состояния оружия я проводил лично*.

Комбат: *Не уходите от темы, я спрашиваю совсем о другом*.

В представленной рече-поведенческой ситуации преднамеренной ослышки противопоставлены однокорневые паронимы *поверка // проверка*. Реализуется рече-культурный сценарий *quiproquo* с целью оправдаться и уйти от ответственности.

Таким образом, преднамеренность речевой ошибки особым образом характеризует рече-культурный сценарий, складывающийся в той или иной рече-поведенческой ситуации и обуславливающий поведение её участников и свидетелей. О. Д. Прокопчик утверждает, что основным психолингвистическим механизмом паронимии является возникновение у продуцента и реципиента «в процессе порождения и восприятия паронимического высказывания вторичных ассоциаций. Суть их заключается во вторичном осмыслении, растормаживании звуковых связей фонетически сходных слов, ведущему к их семантическому сближению» в представлении коммуникантов либо одного из них. «Внутренняя мотивированность значений, выражающаяся в схожей фонетической форме – лишь повод для столкновения паронимов в речи». Их смешение зависит и от условий текста. «Роль контекста при паронимии заключается в выявлении содержания имплицитного члена паронимического ряда. Для этого необходим лексико-семантический и/или экстралингвистический контексты» [16, с. 9]. Данные закономерности установлены для любой паронимической оппозиции.

Кроме РПТ преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки, паронимазия реализуется также **рече-поведенческой тактикой художественного паронимического оформления речи**. В рамках данной тактики мы выделили две

рече-поведенческих ситуации: паронимическое сближение и паронимическое рифмование. Рифмование можно рассматривать также как особую разновидность сближения. Общим для РПС паронимического сближения и паронимического рифмования является то, что они в рече-культурных сценариях представлены не одним компонентом паронимической пары, а целой парой. От рассмотренных выше РПС рече-поведенческой тактики преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки РПС рече-поведенческой тактики художественного паронимического оформления речи отличаются отсутствием феноменов ошибки, подмены, замены. Рассмотрим эти РПС более детально.

РПС паронимического сближения в художественной речи коррелирует с понятиями паронимической аттракции и фоносемантики, к которым приковано внимание многих авторитетных лингвистов и литературоведов [напр.: 3; 6; 11; 20]. Паронимическое сближение в письменной и устной речи используется в рече-культурных сценариях конкретизации смысла через сопоставление понятий, обозначенных словами паронимического ряда. Например, в эпистолярном жанре:

(15) *Княгине Вере я писал; получила ли она письмо моё? Не кланяюсь, а поклоняюсь ей* (Из письма А. С. Пушкина П. А. Вяземскому, 29 ноября 1824 г.).

(16) *Ах, мой милый, вот тебе каламбур на мой анекдот: друзья хлопочут о моей жиле, а я о жилище. Каково?* (Из письма А. С. Пушкина П. А. Вяземскому, 14–15 августа 1825 г.).

Активно паронимическое уподобление используется и в народном, и в авторском художественном творчестве. Например:

(17) *Я узнал старика по слезам на щеках его дряблых,*

Это Пётр Святой, он апостол, а я остолоп

(В. Высоцкий. Райские яблоки).

Здесь читателя или слушателя привлекает созвучие слов *апостол* и *остолоп*, которое сигнализирует об осмыслении их семантических и стилистических взаимоотношений. Эти взаимоотношения основаны на смысловой антономазии, которая обусловлена паронимическим сближением слов *апостол* и *остолоп* благодаря их фонетической близости при совпадении звуков, которые в каждом из слов расположены в разной последовательности. *Апостол* – сподвижник Христа; *остолоп* – неумный человек, глупец. Слово *апостол* стилистически возвышенное, а *остолоп* – просторечное. За счёт семантико-фонетического противопоставления В. Высоцкий подчёркивает отчаянное состояние и безысходность лирического героя.

Намеренная паронимия широко используется в композиции скороговорок. Скороговорка – это высказывание для тренировки артикуляционных навыков в быстрой речи. Функция таких высказываний обусловлена преднамеренным сближением слов на основе частой встречаемости одинаковых звуков, представленных в разной последовательности. Поэтому содержательная сторона скороговорок бедна и не претендует на сколько-нибудь реальное представление об упоминаемых событиях и процессах. Участвующие в такой языковой игре паронимы не имеют дополнительных семантических связей, за исключением тех, которые обусловлены их синтаксическим взаимодействием.

(18) *На дворе трава, на траве дрова.*

(19) *Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет.*

(20) *У осы не усы, не усища, а усики.*

(21) *В стрекотании стрекот.*

Мы видим, что и в скороговорках, и в сопоставительно-конкретизирующих конструкциях используются как языковые (семантические), так и контекстные паронимы.

РПС паронимического рифмования в художественной речи является одной из особенностей русского стихосложения. Д. Самойлов отмечал, что в рифме русской поэзии XX века заметным явлением стала паронимия и диссонанс. Они характерны для поэзии Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Александра Блока, Ильи Сельвинского, Семёна Кирсанова, Михаила Зенкевича, Павла Антокольского, Евгения Евтушенко [18, с. 44, 65, 102 и др.]. Д. Самойлов отмечал, что паронимичные рифмы в русской поэзии были и раньше: например, в стихах Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, А. Н. Некрасова, И. Ф. Анненского и ряда других поэтов [18, с. 128, 155, 197, 239 и др.]. На это же обратил внимание А. В. Исаченко, написав следующее: «Применять к современной русской поэзии критерий „точности созвучия“, построенный на абсолютном тождестве рифмующихся отрезков, так же абсурдно, как требовать от современной драмы единства места и времени» [10, с. 220]. Проанализируем несколько примеров:

(22) Незаконченный архивный экспромт Давида Самойлова, автора «Книги о русской рифме» содержит две паронимических рифмы: *Спасибо за жанры. / Жанр вроде сосуда, / Куда мы вливаем / Добро или худо, / Куда мы вливаем, / Того мы не знаем. / А если узнаем, / То знать будем слишком. / И это опасно / Поэтским мыслишкам.* Здесь *не знаем // узнаем* – однокорневые паронимы, *слишком // мыслишкам* – разнокорневые.

(23) Стихотворение Велимира Хлебникова «О, черви земляные...» демонстрирует характерные для творчества поэта паронимические рифмы *пустой // постылый; постылый // остылый; остылый // усталый.*

Тёмной славы голова,
Не пустой и не постылый,
Но усталый и остылый,
Я сижу. Согрей меня.
(В. Хлебников. О, черви земляные...)

(24) Под грозной бронёй ты не ведаешь **ран**;
Незримый хранитель могущему **дан**.
(А. Пушкин. Песнь о вещем Олеге).

Здесь паронимы выполняют сугубо рифмообразующую функцию, поскольку словоформы *ран* и *дан* близки лишь фонетически. Ни лексической, ни грамматической, ни этимологической близостью они не обладают: *ран* – имя существительное женского рода (*рана*) в форме множественного числа родительного падежа, а *дан* – страдательное краткое причастие совершенного вида прошедшего времени в форме единственного числа, мужского рода. В следующем примере паронимы *вода* // *повода* выполняют аналогичную сугубо рифмообразующую функцию с той лишь разницей, что рифмуются две формы паронимичных имён существительных:

(25) Покраснела рябина,
Посинела **вода**.
Месяц, всадник унылый,
Уронил **повода**.
(С. Есенин. Покраснела рябина).

(26) Подобный подход к паронимической рифме встречаем и у современного поэта И. Ф. Жданова. Например:

На цветочных часах паучка притаился
отвес.
Время – день или не день – Купале как будто
бы впору.
Отмотай от рулона кладбищенской глины
отрез –
там копающий яму надеется выкопать
гору.
(И. Жданов. На цветочных часах...).

(27) Когда неясен грех, дорожке **нет вины** –
и звезды смотрят вверх и снизу **не видны**.
(И. Жданов. Когда неясен грех...).

(28) А вот в примере из хрестоматийного стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву» паронимическая рифма *обман* // *туман* сближает эти паронимы семантически, хотя они не являются словами одного корня. Ассоциативно эти слова можно связать с

помощью синонимов *обманывать* ≈ *наводит туман*:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас **обман**,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний **туман**...
(А. Пушкин. К Чаадаеву).

Выводы. Таким образом, применив в данном исследовании лингвокультурологические понятия «рече-поведенческая ситуация» и «рече-культурный сценарий» к выделенным нами двум рече-поведенческим тактикам: преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки и художественного паронимического оформления речи, – мы можем заключить, что **рече-культурный сценарий – это совокупность способов реализации и последствий рече-поведенческой тактики в той или иной рече-поведенческой ситуации.**

Рече-поведенческие ситуации, возникающие при использовании тактики преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки, – это *оговорка / обмолвка, описка, ослышка, очитка* с возможными рече-культурными сценариями *шутки, сатиры, иронии, юмористического или комического подтекста*, а также *с подтекстом осуждения, обиды, унижения, насмешки, авантюры, обмана*. В этом случае используется лишь один, неправильный член паронимической оппозиции, организованной по принципу *дихотомии «правильное» // «неправильное»*. Исключением является РПС ослышки, в которой представлены оба члена паронимической пары.

Рече-поведенческие ситуации, возникающие при использовании рече-поведенческой тактики художественного паронимического оформления речи, – это *паронимическое сближение и паронимическое рифмование*. Общими для РПС паронимического сближения и паронимического рифмования являются рече-культурные сценарии *усиления художественной и/или экспрессивной выразительности текста* либо его части и *оценочные сценарии*. В РПС паронимического сближения и паронимического рифмования представлены оба члена паронимической пары. Рече-поведенческая тактика художественного паронимического оформления прагматически не связаны с преднамеренной ошибкой, заменой или подменой.

Перспективы данного исследования мы связываем с изучением роли фонетических, грамматических и лексико-грамматических категорий в формировании и функционировании паронимии в разнообразных рече-поведенческих ситуациях и рече-культурных сценариях.

Литература

1. Верейтинова М. М. Лингвометодическое описание актуализированной лексики в целях преподавания русского языка как иностранного (на материале паронимов-прилагательных): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. 20 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Москва: Индрик, 2005. 1038 с.
3. Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. Москва: Высш. шк., 1974. 188 с.
4. Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. Москва: Рус. яз., 1984. 352 с.
5. Горушкина А. В. Лингвокультуремы в структуре современного поэтического дискурса сетевого автора Али Кудряшевой: функциональный аспект изучения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. Череповец: ЧГУ, 2019. 185 с.
6. Григорьев В. П. Паронимическая аттракция. *Поэтика слова*. Москва: Наука, 1979. С. 251–299.
7. Евграфова А. А. Паронимия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киев: ГПИ им. М. Горького, 1975. 23 с.
8. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике: учебник. Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.
9. Иванова Д. А. Паронимия в ряду смежных явлений в современном русском языке. *Филология и культура*. Казань: КазФУ, 2013. № 4 (34). С. 52–56.
10. Исаченко А. В. Из наблюдений над «новой рифмой». *Slavic poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*. The Hague-Paris, 1973. С. 208–226.
11. Критенко А. П. Паронимия и ее роль в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев: Ин-т языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, 1974. 24 с.
12. Крысенко Т., Суханова Т. Паронимия в научной терминологии на занятиях по русскому языку как иностранному. *Наукові записки Центральноукраїнського держ. університету ім. В. Винниченка. Серія: Філологічні науки*. Кропивницький, 2019. Вип. 175. С. 39–44.
13. Михайленко-Зого О. О. Принципы дифференциации паронимов в текстах разных стилей. *Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства*. Одеса: Астропринт, 2019. № 32. С. 55–61. DOI :10.18524/2307-4558.2019.32.187798.
14. Половникова В. И. Лексический аспект преподавания русского языка как иностранного на продвинутом этапе. Москва: Русский язык, 1988. 160 с.
15. Пономарёва О. Б. Многозначность vs. неоднозначность газетных заголовков как когнитивный парадокс (на материале таблоидной прессы России и Великобритании). *Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сб. статей*. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2011. С. 216–222.
16. Прокопчик О. Д. Семантические механизмы и прагматические функции паронимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2005. 19 с.
17. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2 изд., испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
18. Самойлов Д. Книга о русской рифме. 3 изд. Москва: Время, 2005. 400 с.
19. Ткаченко Л. П. Паронимическая аттракция как речевой приём. *Речевые приёмы и ошибки, типология, деривация и функционирование: сб. науч. трудов*. Москва: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. С. 126–132.
20. Шарапилова Э. А. Фоносемантика в лирике М. И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Махачкала, 2000. 156 с.
21. Юнязов Р. Ю. Каламбур в заголовках газет как средство привлечения внимания аудитории. *Филология и литературоведение: Электронный науч.-практ. журнал*. Саранск, 2014. URL :http://philology.snauka.ru/2014/08/893 (Дата обращения : 18.10.2020).
22. Янко-Триницкая Н. А. К изучению паронимов. *Русский язык в школе*. Москва, 1979. № 5. С. 98–101.

References

1. Vereitinova, M. M. (2011). *Lingvometodicheskoye opisaniye aktualizirovannoy leksiki v tselyakh prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo (na materiale paronimov-prilagatel'nykh)*: Author's thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University. [in Russian]
2. Vereshchagin, Ye. M., Kostomarov, V. G. (2005). *Yazyk i kul'tura [Language and Culture]*. Moscow: Indrik. [in Russian]
3. Vishnyakova, O. V. (1974). *Paronimy v russkom yazyke [Paronyms in the Russian language]*. Moscow: Vysshaya shkola Pub. Co. [in Russian]
4. Vishnyakova, O. V. (1984). *Slovar' paronimov russkogo yazyka [Dictionary of the Russian paronyms]*. Moscow: Russkiy yazyk Pub. Co. [in Russian]
5. Gorushkina, A. V. (2019). *Lingvokul'turemy v structure sovremennogo poeticheskogo diskursa setevogo avtora Ali Kudryashevoy: funktsional'nyy aspekti zucheniya*: Thesis. Cherepovets: Cherepovets State University. [in Russian]
6. Grigor'yev, V. P. (1979). *Paronimicheskaya attraktsiya. Poetika slova*. Moscow: Nauka Pub. Co., 251–299. [in Russian]
7. Yevgrafova, A. A. (1975). *Paronimiya v sovremennom russkom yazyke*: Author's thesis. Kiev: State M. Gor'kiy pedagogical institute. [in Russian]
8. Zinov'yeva, Ye. I. (2016). *Lingvokul'turologiya : ot teorii k praktike*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Pub. Co. [in Russian]
9. Ivanova, D. A. (2013). Paronymy in a number of related phenomena of the modern Russian language. *Philology and culture*. Kazan', no. 4 (34), 52–56. [in Russian]
10. Isachenko, A. V. (1973). Iz nablyudeniya nad «novoy rifmoy». *Slavic poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky* [From the observation of the “newrhyme”]. The Hague-Paris, 208–226. [in Russian]

11. Kritenko, A. P. (1974). *Paronimiya i yeyo rol' v yazyke*: Author's thesis. Kiev: Potebnia Institute of Linguistics. [in Russian]
12. Krysenko, T., Sukhanova, T. (2019). Paronimiya v nauchnoy terminologii na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu. *Naukovі zapysky. Seriya: Filolohichni nauky* [Paronyms in scientific terminology in the course of teaching Russian as a foreign language. *Scientific Notes. Series: Philological sciences*] Kropyvnytsky: Volodymyr Vinnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University, vol. 175, 39–44. [in Russian]
13. Mykhaylenko-Zoto, O. O. (2019). Pryntsypy dyferentsiatsii paronimiv u tekstakh riznykh styliv. *Mova* [Principles of paronyms' differentiation in texts of different styles. *Language*]. Odessa: Astroprint, no. 32, 55–61. DOI: 10.18524/2307-4558.2019.32.187798. [in Ukrainian]
14. Polovnikova, V. I. (1988). *Leksicheskiy aspekt prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo na prodvnutom etape*. Moscow: Russkiy yazyk Pub. Co. [in Russian]
15. Ponomaryova, O. B. (2011). Mnogoznachnost' vs. neodnoznachnost' gazetnykh zagolovkov kak kognitivnyy paradoks (na materiale tabloidnoy pressy Rossii i Velikobritanii). *Voprosy lingvistiki, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*: collection of articles. Izhevsk: Udmurt University, 216–222. [in Russian]
16. Prokopchik, O. D. (2005). *Semanticheskiye mekhanizmy i pragmaticheskiye funktsii paronimii*: Author's thesis. St. Petersburg. [in Russian]
17. Sannikov, V. Z. (2002). *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry*. 2nd ed., corrected and amended. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Pub. Co. [in Russian]
18. Samoylov, D. (2005). *Kniga o russkoy rifme*. 3rd ed. Moscow: Vremya Pub. Co. [in Russian]
19. Tkachenko, L. P. (1989). Paronimicheskaya attraktsiya kak rechevoy priyom. *Rechevyye priyomy i oshibki, tipologiya, derivatsiya i funktsionirovaniye*: collection of scientific papers. Moscow: Institute of Linguistics, USSR AS, 126–132. [in Russian]
20. Sharapilova, E. A. (2000). *Fonosemantika v lirike M. I. Tsvetayevoy*: Thesis. Makhachkala. [in Russian]
21. Yunyazov, R. Yu. (2014). Kalambur v zagolovkakh gazet kak sredstvo privlecheniya vnimaniya auditorii. *Filologiya i literaturovedeniye: Elektronnyy nauch.-prakt. zhurnal* [A pun in the headlines as a means of attracting the attention of the audience. *Philology and literature: Electronic scientific & practical journal*]. Saransk, 2014. Retrieved from: <http://philology.snauka.ru/2014/08/893> [in Russian] (2020, october, 18).
22. Yanko-Trinitskaya, N. A. (1979). K izucheniyu paronimov. *Russkiy yazyk v shkole*. Moscow, 5, 98–101. [in Russian]

Михайленко-Зото Олена Олександрівна, аспірант кафедри загального та слов'янського мовознавства, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова (Французький бульвар, 24/26, к. 98, Одеса, 65058, Україна); викладач російської мови, кафедра слов'яно-балканських мов, Тиранський університет (вул. Ельбасан, Тирана, Албанія); olena.zoto@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7733-0217>

Olena Mykhaylenko-Zoto, Postgraduate student of the Russian language department, Odessa I. I. Mechnikov National University (24/26 Frantsuzsky Blvd., Odessa, 65058, Ukraine); Senior lecturer of the Slavic-Balkan languages of the Tirana University (Elbasan st., Tirana, Albania); olena.zoto@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7733-0217>